

А был ли змий?

Загадочные места «Повести о Петре и Февронии Муромских»

О том, что святые Петр и Феврония Муромские являются покровителями семьи и супружества, а день их памяти объявлен федеральным праздником семьи, любви и верности, известно почти каждому жителю России. И это не может не радовать. Но с тех пор, как был установлен особый праздник в их честь и почитание Петра и Февронии приобрело широкий размах, не смолкают споры вокруг их имен. Больше всего недоумений и вопросов вызывает не их каноническое житие, включенное в Четьи-Минеи святителя Димитрия Ростовского, а знаменитая «Повесть о Петре и Февронии Муромских». Одни считают ее единственным и безоговорочным источником сведений о благоверных князьях, другие – вымыслом и красивой легендой, не имеющей ничего общего с их реальной биографией. Давайте попробуем разобраться, таким ли легендарным и фольклорным является этот замечательный памятник русской письменности. Кстати говоря, даже совершенно светские исследователи считают «Повесть...» одним из лучших образцов древнерусского творчества, вершиной отечественной литературы XVI века.

Сие сказание есть творение соборного священника Ермолая-Еразма, написанное им по заказу митрополита Макария после канонизации святых благоверных Петра и Февронии на Московском Соборе 1547 года. Однако митрополит Макарий не стал включать данное произведение в свои знаменитые Великие Четьи-Минеи. Видимо, он счел ее не совсем подходящей по стилю и содержанию к привычному агиографическому жанру.

Насколько мы можем доверять «Повести о Петре и Февронии»? Дело в том, что отец Ермолай вовсе не был каким-то сказителем, подвизающимся в художественно-литературном жанре. Он был выдающимся богословом, писателем, публицистом, человеком высокообразованным. На тот момент он уже написал значительное количество произведений, поэтому святитель Макарий, сам весьма ученый муж, и поручил ему составить житие муромских чудотворцев. В том, что он, конечно же, не сам выдумал данное сказание, но лишь обработал существующие предания о благоверных Петре и Февронии, не сомневаются даже самые жесткие критики «Повести...». К сожалению, Ермолай-Еразм, видимо, действительно опирался в своих исследованиях только на устные народные предания о муромском князе и его супруге. Но так ли далеко он ушел от летописей, и можно ли считать «Повесть о Петре и Февронии» действительным источником сведений об их жизни?

Дело в том, что народное почитание и свидетельства о жизни и чудесах святых являются и поныне очень серьезным источником при составлении житий канонизированных святых. А в XVI веке и, конечно, в более ранний период устное творчество было самым главным источником информации. Царь Иван Васильевич Грозный решил провести канонизацию благоверных Петра и Февронии, но известно, что народное почитание этих святых началось еще задолго до их церковного прославления. Для составителя житий святых народные устные рассказы, предания о жизни подвижников благочестия такой же источник, как и летописи. О многих святых мы узнаём почти исключительно из их житий, других письменных источников просто не сохранилось.

Жития святых – это особый жанр, очень близкий к литературному. Так, святитель Димитрий Ростовский включает в свой многотомный сборник жития мучеников, написанные на основании мученических актов, которые велись в Римской империи, но мы видим, что вместе с тем в эти жизнеописания включены также многочисленные диалоги и подробности, которые никак не могли содержаться в сухих судебных документах.

Заслуга священника Ермолая в том, что он бережно собрал все, на его взгляд, достоверные сказания и предания о святых Петре и Февронии и, отредактировав их, донес до читателя. Именно благодаря ему мы имеем не только летописные данные о них, но и сохраненные устные сведения о святой муромской чете. И за это ему большое спасибо от благодарных потомков. Ошибка же этого древнего писателя в том, что он не соединил устные предания с данными летописных исторических документов.

Кроме весьма краткого канонического жития, включенного в Минеи святителя Димитрия, кроме других более поздних, но куда более полных житий и непосредственно самой «Повести...» Ермолая-Еразма есть еще одно житие Петра и Февронии. На мой взгляд, оно является самым объективным и исторически выверенным источником. Это жизнеописание составлено святителем Филаретом (Гумилевским), блестящим богословом, очень авторитетным историком XIX века, и включено им в книгу «Избранные жития святых». Чем для нас особенно ценен труд святителя Филарета? Он, как профессиональный историк, опирается на исторические источники: русские летописи (Никоновскую, летописи Переславля Суздальского и другие), родословную Муромских князей, историю Рязанского и Муромского княжеств, «Пролог», сочинения историков Татищева и Карамзина. Поэтому его житие можно назвать самым достоверным с исторической точки зрения.

Но вернемся к «Повести...» Ермолая. То, что это произведение является также источником сведений о жизни любимейших русских святых, несомненно, ведь даже святитель Филарет (Гумилевский), несмотря на то, что подходит к «Повести...» критически, все же широко использует ее при написании своей версии жития. Он корректирует некоторые места и убирает все, с его точки зрения, лишнее.

Но пора уже обратиться к самой «Повести о Петре и Февронии». Очень интересно будет разобраться в том, что в этом сказании можно признать вполне достоверным с духовной и агиографической точек зрения, а что вызывает сомнения. Проверить некоторые события и моменты с исторической точки зрения не представляется возможным за давностью лет и недостатком документальных источников. Но раз «Повесть...» так прочно вошла в наш православный обиход и пользуется такой известностью и уважением у церковного народа, мы не можем не признавать за ней права быть источником сведений о земной жизни небесных покровителей брака. Посмотрим же, какие загадочные места сразу бросаются в глаза в Ермолаевской «Повести...».

Княжеские имена

В «Повести о Петре и Февронии» муромские князья имеют крещальные имена Петр и Феврония, а в конце жизни принимают монашество с именами Давид и Евфросиния. Это, конечно, явная ошибка. Согласно летописям и родословиям муромских князей, в Муроме с 1205 по 1228 год правила княжеская чета Давид Юрьевич и его супруга княгиня Евфросинья. Святитель Филарет (Гумилевский), опираясь на «Родословную книгу князей и дворян российских и выезжих» и другие источники, пишет: «Когда князь и княгиня достигли глубокой старости, то в одно время облеклись в иноческое одеяние, один с именем Петра, другая с именем Февронии». В примечаниях к своему труду святитель Филарет говорит, что в «Повести...» мирские имена святых перепутаны с монашескими и что ошибка эта перешла и в печатный «Полный месяцеслов».

Почему отец Ермолай допустил эту неточность? Не сверившись с летописью, он более доверился устным рассказам, которые не смогли упомянуть точного имени князей. В народе они были более известны как Петр и Феврония, вот народное сознание и решило, что такие имена святые имели до монашества. Думаю, что ошибка эта довольно простительна, особенно

для древнерусского человека. Ведь на Руси многие люди, а князья в особенности, имели иногда по несколько имен. Например, святой креститель Руси равноапостольный Владимир прославлен со своим славянским именем, а его крещальное имя – Василий – известно далеко не всем. Были князья, которые вошли в историю под двойным именем, к примеру старший внук Владимира Мономаха святой благоверный князь Всеволод Мстиславич, которого часто называют Всеволод-Гавриил.

Вообще говоря, если святой принимает постриг, то, как правило, мы прославляем его уже с монашеским именем (хотя исключения из этого правила тоже встречаются). Мы молимся преподобному Сергию Радонежскому, а не Варфоломею, святому Серафиму Саровскому, а не Прохору Мошнину. Так, думаю, и народное почитание, которое началось еще задолго до канонизации XVI века, восприняло именно монашеские имена муромских праведников. Еще одно княжеское имя вызывает вопрос в «Повести о Петре и Февронии». Согласно ей в Муроме до князя Петра (Давида) княжил его брат Павел. Летописные источники, действительно, говорят о том, что князь Давид принял муромский престол по смерти своего старшего брата, которого очень уважал. Но там он назван не Павлом, а Владимиром. Что тут можно сказать? Скорее всего, мы здесь опять сталкиваемся с княжеским обычаем давать и использовать в обиходе сразу несколько имен. Имя Владимир – чисто славянское, значит «владеющий миром». Видимо, при рождении ему было дано именно это, известное и славное на Руси имя. А при крещении он принял уже второе, в честь своего небесного покровителя апостола Павла.

Крылатый змей

Из «Повести...» мы узнаём, что у князя Павла (Владимира) была супруга. И вот «диавол, испокон веку ненавидящий благо человеческого рода, послал жене князя на блудное дело злого крылатого змея» (здесь и далее «Повесть...» цитируется в русском переводе. – прот. П.Г.). Этот змей почему-то видится некоторым исследователям самым фантастическим и нереальным персонажем данного сказания. Скептически настроенные, они тут же начинают видеть здесь сказки об Огненном змии и проводить параллели с какими-то уже совсем не славянскими мифами.

Змей, упомянутый в «Повести...», конечно же, просто некий виртуальный морок, личина, принимаемая на себя врагом рода человеческого, которого Священное Писание называет «великий дракон, древний змий...» (Откр. 12: 9). Диавол, как известно, падший ангел, бесплотный дух, но он может принимать вид любого одушевленного существа или неодушевленного предмета. В древние времена диавол любил являться нашим предкам (да и другим народам тоже) в виде чудовищного, часто огнедышащего ящера. Поэтому-то в былинах так и распространен образ змея, дракона, с тремя головами или с одной.

Это чудище в представлении людей прошлого было олицетворением зла, нечистой силы. Недаром лешие, русалки, всевозможные бабки-ежки, змеи-горынычи, прочие огненные змеи кратко именовались нечистью – как представители inferнального мира. И для человека древности весь этот мир был такой же реальностью, как для нас полтергейст и прочие потусторонние паранормальные, темные явления.

Итак, нечистый дух в виде змия прилетает к супружнице князя и совершает с ней блуд. Что это не просто какая-то рептилия, а темная духовная сущность, видно из того, что змий является в двух обликах: как ящер и как человек. Он принимает облик князя Павла. Притом змей скоро настолько обнаглел, что уже не скрывает перед княгиней своего мерзкого вида, но при других в целях конспирации является в виде князя. «А посторонним людям казалось, что это сам князь с женою своею сидит». Наконец княгиня не выдерживает и рассказывает всё мужу. Тот советует жене хитростью выведать у змия, что может послужить причиной его смерти. В минуту откровенности злодей проболтался, что «смерть мне суждена от Петрова плеча, от

Агрикова меча».

Павел делится своим горем с родным братом, Петром. Через некоторое время тому во время молитвы является некий отрок (видимо, ангел) и указывает в расселине стены алтаря церкви Воздвиженского монастыря место, где спрятан меч. Петр берет Агриково оружие, находит удобное время, врывается в покои княгини и убивает коварного змея. Но перед тем как удалиться к себе в преисподнюю, змей обрызгал князя Петра своей кровью. Князь тяжело заболевает: на всем его теле появляются язвы.

Давайте пока остановимся на этом моменте и поразмыслим над тем, могла ли такая история произойти в действительности. Если немного абстрагироваться от несомненно эпического, поэтического описания чуда со змеем, которое дает нам «Повесть...», мы не видим в данном эпизоде с точки зрения агиографии и духовного опыта Церкви ничего мифологического. Жена князя, видимо, подолгу находилась в разлуке со своим супругом. Князя тогда все время воевали и, отправляясь в продолжительные походы, надолго оставляли своих жен одних.

Воспользовавшись этим, диавол подбрасывает ей искушение блудной похотью. Враг всегда сначала находит в человеке слабое звено, чтобы пробить брешь в его душе и далее погубить, пленив какой-нибудь страстью. В данном случае он, видимо, воспользовался тоской по мужу и связанными с ней блудными мечтаниями. Овладев умом женщины, он переходит к виртуальному блуду с ней, так как может принимать вид не только змея, но и ее законного супруга. И хотя в «Повести...» говорится, что «змеем силой овладел ею», но такое вражеское воздействие не может произойти без того, чтобы человек сам не поддавался на искушение. Как такое могло произойти? Может ли диавол, бестелесный дух, совершать подобные блудные действия? Да, диавол не имеет плоти, но он может вторгаться в наш материальный мир и совершать здесь некие действия. Он может даже наносить реальные побои людям, что описано во многих житиях, может превратиться в коня и перенести человека на огромные расстояния, как об этом рассказывается в житии святителя Иоанна Новгородского, способен и на многое другое. Неужели сатана, многие тысячелетия упражняющийся в обмане и зле, глупее человека? Сейчас, когда современные технологии позволяют создавать иллюзию полного присутствия, нас не могут удивлять подобные фокусы. Например, фильмы в формате 4DX, когда ты, сидя в кресле кинотеатра, получаешь совершенно реальное ощущение того, что находишься в гуще событий, происходящих на экране. Различные трехмерные модели с полным эффектом присутствия сатана научился создавать уже давно. Эпизод соблазнения княгини змием содержит несколько очень важных моментов, указывающих на реальность данного события. Такое, как говорится, нарочно не придумается. Дело в том, что опыт Церкви и святоотеческая литература свидетельствует: диавол, соблазняя людей, может являться в человеческом облике и совершать с ними почти реальные блудные действия. Блудный демон может принимать вид как мужчины, так и женщины. Как пример можно привести случай, описанный в «Лавсаике» – произведении V века, повествующем о жизни святых подвижников. Вот что рассказывает авва Пахомий: «Враг принял вид эфиопской девицы, которую я видел в молодости, когда она летом собирала солому. Мне представилось, что она сидит у меня, и до того демон довел меня, что я думал, будто уже согрешил с ней. В исступлении я дал ей пощечину, и она исчезла. Поверь мне, два года не мог я стерпеть нестерпимого зловония от своей руки».

Интересно, что представление об огненном змие – нечистом духе, который способен принимать то вид дракона, то облик человека и соблазнять женщин на блуд, – мы действительно находим в древних восточнославянских легендах. Согласно им, змий является тем женщинам, которые нарушали запрет сильно горевать по умершему или тосковать по находящемуся в отлучке мужу. Змий также получал доступ к женщине, потерявшей невинность до брака. Конечно, кто-то может назвать эти легенды пережитками язычества. Но демоны очень часто являлись нашим предкам в тех образах, которые были известны еще с

языческих времен.

В западной христианской демонологии демон блуда, искушающий женщин, назывался инкубом. Если бес, напротив, принимал вид женщины, его именовали суккубом. Кстати, в средневековых католических трактатах говорится, что демон инкуб кроме человеческого обличия также принимает вид козла, собаки, оленя, быка, змеи и других животных.

Но приведу два примера уже не из средневековья, а из нашей, современной реальности. Одна моя знакомая, женщина среднего возраста, потеряла мужа. Через некоторое время после смерти супруга она рассказала мне, что муж стал приходить к ней и даже ложиться с ней на постель. Вдова эта была человеком церковным, часто исповедовалась и причащалась. Но у нее произошло какое-то бесовское помрачение. Она вроде бы прекрасно понимала, что приходящий к ней вовсе не ее покойный супруг. Тем более что далее она рассказала мне совсем уж жуткие вещи. Повела о том, что этот мнимый муж может потом превратиться в пса с горящими глазами и, вскочив на перила балкона, прыгнуть вниз. Но видя наяву все эти кошмары, осознавая умом, что творится что-то неладное, она совсем не испытывала страха, более того – ее как будто завлекали все эти видения.

Другая история. Одна пожилая дама попросила меня освятить квартиру. Ее супруг скончался незадолго до этого. Придя к ней домой, я увидел, что человек она не слишком церковный, и поэтому спросил: «Почему вы решили освятить свое жилище?» И она призналась, что муж после смерти стал являться ей: «Захожу в комнату, а он вот в этом кресле сидит. Бывает, что попросит что-нибудь ему приготовить, например рыбки пожарить». «Но странное дело, – добавила она, – ноги у него какие-то не такие, не как у людей, а как у лошади, шерстью покрыты и с копытами». Скажу честно, после всех этих откровений у меня по спине прошел очень ощутимый холодок. Но, самое удивительное, женщина рассказывала все эти ужасы совершенно спокойным голосом, как нечто уже привычное для нее. Однако, слава Богу, она почувствовала опасность подобных явлений и попросила священника освятить квартиру.

Должен заметить, что и первая знакомая мне женщина, и вторая находились на тот момент в здравом уме и трезвой памяти. Все виденное ими никак не могло быть болезненной галлюцинацией. Для себя я отметил интересную деталь: люди, общаясь с демоном, принимавшим вид их мужа, не испытывали страха. Хотя, несомненно, осознавали ненормальность всего происходящего. Заметьте: в «Повести о Петре и Февронии» жена князя Павла тоже не испытывает особого страха, несмотря на то, что прекрасно осознаёт, кто является ей и соблазняет на блуд. Помните, змей уже настолько взял власть над несчастной княгиней, что не скрывался перед ней, являясь в своем сатанинском облики? Она спокойно беседует с ним, чтобы узнать, чем можно его одолеть. Знакомым мне женщинам демон также являлся, почти не таясь, то превращаясь в пса с огненными глазами, то показывая свои копыта. Эдакий «смех сатаны». Пленив человека, диавол уже не прячется, а откровенно глумится над своей жертвой. В момент этого бесовского плена даже заложенный в нас от Бога страх, инстинкт самосохранения отключаются. Так что пусть каждый решит для себя сам, является ли правдоподобной история про соблазнение княгини змием или нет. Лично я в этой истории ничего сказочного не вижу. Если почитать жития уже неоднократно упомянутого святителя Димитрия Ростовского, то там мы можем найти не менее чудесные явления потустороннего мира.

Теперь немного о таинственном «Агрикове мече» и о том, как мог Петр убить с помощью какого-то меча бесплотного и бессмертного темного духа. Надо сказать, что святитель Филарет (Гумилевский) считал эпизод с Агриковым мечом «вымыслом народного воображения», так как этот меч упомянут также в известной былине о Добрыне. Видимо, по этой же причине святитель проявляет осторожность и не включает историю со змием в житие, составленное им.

Однако про то, что змий тоже сказочный персонаж и вымысел, он ничего не пишет.

О том, что история о противоборстве благоверного Петра со змием является неотъемлемой частью жизнеописания святых муромских чудотворцев, говорит еще один факт. В службе святым Петру и Февронии 25 июня (8 июля по новому стилю) неоднократно упоминается факт победы благоверного Петра над змием. Например, во втором тропаре третьей песни канона на утрени: «Якоже иногда змия убив, конечному безвестию предал еси, тако и ныне отечество борющихся победы, треблаженне, да тя прославляем». Любому просвещенному церковному человеку известно, что богослужебные, литургические тексты – это часть Священного Предания. В отличие от протестантов, мы, православные, имеем твердым основанием не только Священное Писание, но и Священное Предание. Что в него входит? Каноны и правила апостолов и святых Соборов, творения святых отцов, жития святых и литургическое предание, богослужебные тексты. Раз Церковь сочла нужным почти сразу после канонизации включить в текст службы святым Петру и Февронии эпизод про змия, значит, так тому и быть – это часть церковного православного Предания.

Но как быть с «Агриковым мечом»? При всем моем огромном уважении к святителю Филарету все же позволю себе с ним не согласиться. То, что такой же меч упомянут в былине о Добрыне, ровным счетом ничего не значит. В былинах нередко упоминались совершенно реальные исторические деятели и события. Самый знаменитый герой отечественных былин Илья Муромец существовал в действительности, и некоторые сказания о нем имеют историческую основу. Хотя, конечно, в большинстве из них мало общего с его реальной жизнью. Даже богатыря Добрыню иногда отождествляют с воеводой Добрыней, дядей святого князя Владимира.

Что такое «Агриков меч», никто толком не знает. Скорее всего это просто символ духовной силы, которая дается после молитвы князю Петру для победы над змием. Может быть, этот меч действительно принадлежал какому-то неведомому святому человеку. Что же, для нас не секрет, что не только мощи святых, но и их личные вещи наделены особой духовной энергией, силой Божией и через них Господь творит чудеса и дарует победу над врагами.

Бестелесный дух и телесная болезнь

Теперь о том, мог ли Петр убить диавола мечом. Да, в «Повести...» сказано, что змий умер от меча Петра. Но, как уже было упомянуто вначале, сочинение сие является поэтическим, литературным произведением. Конечно, демон бессмертен, но победить его, сделать безопасным, отогнать от человека и отправить обратно к «отцу лжи» вполне возможно. И тому есть масса примеров.

Могут ли представители разных миров – духовного и материального – сражаться друг с другом? Да, могут. И самый известный пример – это чудо великомученика Георгия о змии. Правда, там мы видим зеркальную ситуацию: святой Георгий уже после своей кончины является, чтобы спасти дочь царя от страшного ящера, которому приносили человеческие жертвы. И эта чудовищная рептилия, судя по всему, имела не инфернальное, а вполне земное происхождение. Некоторые исследователи считают его одним из сохранившихся динозавров. Мы знаем, что святой Георгий пронзил змия копьем, после чего великомученик приказал отвести змия в город, где он был показан жителям и обезглавлен мечом того же Георгия.

Во время битвы змий наносит Петру раны: там, куда попала его кровь, появляются язвы, от которых князь испытывает тяжкие страдания, – его поражает болезнь, подобная прокаже. Возможно ли это? Может ли бесплотный дух нанести урон плоти? Еще как может! И «тому в истории мы тьму примеров слышим». Сам апостол Павел говорит: «Дано мне жало в плоть,

ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился» (2 Кор. 12: 7). Однажды диавол так вооружился на преподобного Антония Великого и подверг его таким ужасным побоям, что он долго лежал после этого без движения, не в силах сказать ни слова. Сам он говорил, что причиненные ему мучения превосходили все человеческие страдания. Святого Епифания Кипрского демоны избивали в течение десяти дней. В житиях святых мы часто читаем про тяжелые последствия бесовских воздействий. По попущению Божию бесы могут нанести человеку не только духовные, но телесные раны и язвы.

Продолжим изучение «Повести о Петре и Февронии Муромских» и от схватки князя со змием перейдем к самому главному моменту этого памятника – знакомству будущих благоверных супругов. Эта встреча Петра (Давида) и Февронии (Евфросинии) также не дает покоя критикам «Повести...».

Итак, мы помним, что Петр тяжело заболевает. Он смог одолеть врага, но, по попущению Божию, демон наносит ему телесные язвы, которые распространились по всему телу струпиями наподобие проказы.

Князь искал помощи у многих врачей, но никто не смог его исцелить. Услышав, что в Рязанской земле много хороших врачевателей, муромский правитель велит везти его туда. В поисках лекарей один из княжеских слуг (отроков) забрел в село Ласково и зашел в дом некоего «древколаза», то есть собирателя дикого меда. Здесь он встретил необычную девушку: она ткала холст, а у ее ног скакал заяц. Отрок сначала не воспринял ее всерьез и сказал, что хочет побеседовать с хозяевами дома. Девушка, видя такое к себе отношение, не дала прямых ответов – говорила с гостем загадками. Того поразила ее мудрость, и он наконец рассказал о том, что послан в Рязанский край, чтобы найти врача для своего заболевшего господина.

Феврония (я буду называть и князя, и княгиню их общепринятыми житийными именами) отвечала отроку: «Если бы кто-нибудь взял твоего князя себе, тот мог бы вылечить его». (В другом переводе «Повести...» сказано не «взял», а «потребовал», что ближе к древнерусскому первоисточнику.) «Что это ты говоришь?! – вскричал отрок. – Кто может взять моего князя себе? Если кто вылечит его, того князь богато наградит. Но назови мне имя врача того, кто он и где дом его». Она же ответила: «Приведи князя твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров».

«Юноша быстро возвратился к князю своему и подробно рассказал ему о всем, что видел и что слышал. Благоверный же князь Петр повелел: “Везите меня туда, где эта девушка”. И привезли его в тот дом, где жила девушка. И послал он одного из слуг своих, чтобы тот спросил: “Скажи мне, девушка, кто хочет меня вылечить? Пусть вылечит и получит богатую награду”. Она же без обиняков ответила: “Я хочу его вылечить, но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово мое: если я не стану супругой ему, то не подобает мне и лечить его”. И вернулся человек тот и передал князю своему, что сказала ему девушка.

Князь же Петр с пренебрежением отнесся к словам ее и подумал: “Ну как это можно – князю дочь древолаза взять себе в жены!” И послал к ней, молвив: “Скажите ей – пусть лечит, как умеет. Если вылечит, возьму ее себе в жены”».

Так описывает предысторию исцеления князя «Повесть о Петре и Февронии».

Давайте поразмыслим над загадками Февронии и над ее не менее загадочными словами о способе врачевания болящего князя.

Загадки мудрой деви

Я не буду приводить дословно весьма интересные и поэтичные загадки мудрой девицы; думаю, каждому интересующемуся нужно ознакомиться с ними в самом тексте «Повести...». Наша задача другая: понять, что в великом памятнике древнерусской письменности является несомненным историческим фактом, что можно признать вполне достоверным, а что – отнести к фольклорному элементу. Так вот, многим исследователям именно загадки Февронии кажутся одной их наиболее фольклорных, сказочных составляющих «Повести». Действительно, тут чувствуется явная переключка с народным устным творчеством: с поговорками, пословицами, загадками, которые мы в изобилии находим в русских сказках и былинах. Но важно понять, являются ли слова девицы Февронии «фольклором», или же будущая княгиня просто активно использует образное народное слово в своей речи.

Начнем с того, что жизнь древнерусского крестьянина XIII века была просто неотделима от всего, что мы сейчас называем фольклором. Досуг молодые крестьянские девушки проводили в пении песен, рассказывании сказок, загадывании загадок. Русские люди пели протяжные, сказочные песни и во время работы. Даже классическая литература XIX века постоянно влагает в уста жителей деревни поговорки, пословицы, прибаутки. Феврония, конечно же, была очень хорошо знакома со всем этим. Отсюда и ее манера постоянно использовать в речи пословицы, притчи и загадки, многие из которых нам известны и по другим фольклорным источникам.

Второй момент: Феврония не простая девица. Она человек не от мира сего, если хотите – немножко юродивая. Ее поведение неординарно. Даже то, что она держит в горнице лесного жителя – зайца, необычно. Но нам все это не удивительно: святые люди часто вели себя странно, непривычно для окружающих, и их слова имели подчас таинственный, загадочный смысл, который открывался позже. Кстати, и прирученный Февронией заяц не должен вызывать особого удивления, ведь многие святые люди, живя в гармонии с природой, дружили с дикими зверями. Вспомним, как преподобный Сергей Радонежский и батюшка Серафим Саровский кормили хлебом медведей, а святой Герасим Иорданский приручил льва и даже возил на нем воду для обители.

Приверженность к фольклору была свойственна не одной только святой Февронии. Некоторые наши русские подвижники также чрезвычайно его любили. Оптинский старец Амвросий в письмах к разным людям не только постоянно использовал крылатые выражения русского языка, но и сам придумывал поговорки и пословицы. Святитель Феофан Затворник также часто прибегает в своих поучениях к народным фразеологизмам.

Святая Феврония была плотью от плоти простого русского народа, и в том, что она хорошо знала устное народное творчество и любила его, нет ничего удивительного.

Принуждение к браку или знание воли Божией?

Но более сложной загадкой являются не иносказания, которыми говорит с княжеским отроком Феврония, а ее слова о том, что вылечить князя может только тот, кто возьмет или даже потребует князя себе. Конечно же, речь здесь идет не просто о том, чтобы врач взял больного в свой дом и лечил его, так сказать, стационарно. Это и так подразумевалось, ведь в «Повести...» говорится, что князь был уже настолько слаб, что не мог сидеть на коне: его привезли в Рязанские земли на подводе. К тому же в тексте сказано не «к себе», а «себе». Нет, здесь все гораздо глубже.

Мне очень близко объяснение этих слов премудрой девицы, которое дает известный филолог,

исследователь древнерусской письменности Анна Архангельская. По ее мысли, Феврония говорит этим иносказанием: «Исцеление – это вмешательство в чужой организм. “Если я ему не жена, то как я могу его лечить?” Она же не профессиональный лекарь». Действительно, нигде не сказано, что Феврония занималась целительством. Княжеский посланец набрел на ее жилище, как ему кажется, случайно. Он просто хочет спросить дорогу к известным в этой округе врачам. И совершенно неправы те, кто видит в Февронии какую-то практикующую народную целительницу.

Но на самом деле встреча эта совершенно неслучайна. И цель ее даже не излечение князя, а исполнение воли Божией. Неизвестно, обладала ли Феврония даром исцеления или ей просто было открыто от Бога, что Господь через нее исцелит Петра, но несомненно то, что она знает волю Божию. А воля Божия всегда ведет человека ко спасению. Девица знала – ей это было открыто от Господа, – что князь выздоровеет только если пообещает стать ее мужем. Ей было открыто и ее избранничество на этот путь. Кстати, в житиях святых тема избранничества, знания самим святым или его родственниками о его особом жизненном пути, встречается довольно часто.

Так вот, Феврония вовсе не воспользовалась моментом, чтобы удачно выйти замуж за богатого и знатного жениха, как это многим может показаться. Она покорна воле Божией, которая была ей открыта. А Господь открыл ей, что именно этот путь приведет и ее, и князя к святости и спасению. Поэтому просто кощунственна мысль, что Феврония как-то манипулирует Петром, шантажирует его и принуждает к браку с ней.

Еще один момент: да, праведная супружеская жизнь святых Петра и Февронии является для нас образцом семейной жизни. Но мы ни в коем случае не должны слепо копировать опыт святых, без всякого рассуждения подражать им во всем. Святые – это особые люди, которым были подчас открыты очень большие знания об их будущей жизни. В чем-то мы, несомненно, должны следовать за ними, но какие-то моменты их жития являются их личным, неповторимым подвигом. Как пример приведу житие преподобного Алексия, человека Божия. После женитьбы он в первую же брачную ночь ушел из дома, оставив молодую жену и родителей. Много лет проведя в великих подвигах и скитаниях, Алексей вернулся в родной дом, но уже в совершенно неузнаваемом облике нищего. Его приютили в сених, там он прожил несколько лет, никем не признанный, и только перед смертью написал родителям письмо, где рассказал о своей жизни. Почему он так поступил? Для нас это тайна. Но ясно одно: Господь открыл ему Свою волю, и он последовал этим путем. Стоит ли нам, не знающим тайн Промысла Божиего, поступать подобным образом? Конечно же, нет.

Но вернемся к «Повести...». Итак, князь Петр, хотя внешне и принял условие Февронии и обещал взять ее в жены, если исцелится, вовсе не собирался держать слово. А ведь мудрая дева предупреждала: «Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров!» Далее сказание еще раз показывает, что Феврония знала все, что должно произойти потом. Она отправляет больного попариться в бане, а сама в это время готовит мазь из хлебной закваски. По наказу девушки князь мажет этим средством все струпья, кроме одного. Наутро все его тело стало здоровым. Петр посылает дочери бортника дары, но свое обещание жениться на ней исполнять не хочет. Вскоре после прибытия князя в Муром его тело вновь покрывается язвами. Он возвращается к Февронии, кается и со стыдом просит прощения. «Она же, нимало не гневаясь, сказала: “Если станет мне супругом, то исцелится”. Он же твердое слово дал ей, что возьмет ее в жены», – рассказывает «Повесть...». Лечение повторяется, и князь женится на простолудинке. Вот такая поучительная история. Как говорит народная мудрость: «Не давши слова, крепись; а давши – держись».

Кстати, князю, как человеку, наделенному от Бога властью, а значит – лицу сугубо

ответственному, вдвойне не пристало нарушать данное им слово. Грех князя еще и в том, что он идет против воли Божией, хотя понимает, что Феврония наделена знанием этой воли. Об этом ему рассказал его слуга, да и сам он перед тем, как принять лечение, устроил испытание для своей врачевательницы, подивившись потом ее мудрости.

Боярский бунт

Через некоторое время после свадьбы умер старший брат Петра, и князь стал властителем Мурома. Но не всем понравилась молодая жена нового князя, да и сам он не всем пришелся по душе. Властолюбивые бояре задумали «дворцовый переворот». Поводом послужила женитьба их правителя на простой крестьянке. «Повесть...» этот эпизод описывает, конечно, весьма художественно.

По наущению своих жен бояре сначала стали настраивать князя против супруги. В вину ей они ставили бережливую крестьянскую привычку собирать в руку крошки со стола после трапезы. Петр, решив проверить слова вельмож, как-то после обеда разжал ладонь Февронии и... увидел зерна благоухающего ладана. Многим этот сюжет может напомнить известную сказку о Царевне-лягушке. Помните, как Василиса Премудрая лила себе в рукав напитки со стола и собирала кости? Да, определенное сходство есть. Но Василиса это делала специально, а не по привычке к бережливости. И жены старших царевичей стали даже подражать ей, пытаясь повторить чудо превращения остатков еды в озеро с лебедями, только ничего у них не вышло.

Видимо, уловив в этом месте жизнеописания святых князей слишком явное созвучие с фольклором, святитель Филарет (Гумилевский) не включил его в свое житие благоверных Петра и Февронии. Как не использовал он и другой эпизод из истории боярской смуты:

«Минуло немалое время, и вот однажды пришли к князю бояре его во гневе и говорят: “Княже, готовы мы все верно служить тебе и тебя самодержцем иметь, но не хотим, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими. Если хочешь оставаться самодержцем, путь будет у тебя другая княгиня. Феврония же, взяв богатства, сколько пожелает, пусть уходит, куда захочет!” Блаженный же Петр, в обычае которого было ни на что не гневаться, с кротостью ответил: “Скажите об этом Февронии, послушаем, что она скажет”.

Неистовые же бояре, потеряв стыд, задумали устроить пир. Стали пировать, и вот, когда опьянели, начали вести свои бесстыдные речи, словно псы лающие, лишая святую Божию дара, который Бог обещал ей сохранить и после смерти. И говорят они: “Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре просят у тебя: дай нам, кого мы у тебя попросим!” Она же в ответ: “Возьмите, кого просите!” Они же, как едиными устами, промолвили: “Мы, госпожа, все хотим, чтобы князь Петр властвовал над нами, а жены наши не хотят, чтобы ты господствовала над ними. Взяв сколько тебе нужно богатств, уходи, куда пожелаешь!” Тогда она сказала: “Обещала я вам, что чего ни попросите – получите. Теперь я вам говорю: обещайте мне дать, кого я попрошу у вас”. Они же, злодеи, обрадовались, не зная, что их ждет, и поклялись: “Что ни назовешь, то сразу беспрекословно получишь”. Тогда она говорит: “Ничего иного не прошу, только супруга моего, князя Петра!” Они же ответили: “Если сам захочет, ни слова тебе не скажем”. Враг помутил их разум – каждый подумал, что если не будет князя Петра, то поставят другого самодержца: а ведь в душе каждый из бояр надеялся самодержцем стать.

Блаженный же князь Петр не захотел нарушить Божиих заповедей ради царствования в жизни этой, он по Божиим заповедям жил, соблюдая их, как богогласный Матфей в своем Благовествовании вещает. Ведь сказано, что, если кто прогонит жену свою, не обвиненную в прелюбодеянии, и женится на другой, тот сам прелюбодействует. Сей же блаженный князь по Евангелию поступил: достояние свое к навозу приравнял, чтобы заповеди Божией не

нарушить».

Интересно, что святитель Филарет со свойственной ему исторической точностью отмечает: муромские бояре в своем стремлении свергнуть князя были подстрекаемы его ближайшими родственниками, претендовавшими на княжение: младшим братом и племянником. Святитель Филарет описывает историю с изгнанием благоверных князей весьма кратко. Бояре приступают к князю и выдвигают ему ультиматум: «или пусть отпустит от себя супругу, оскорбляющую своим происхождением знатных жен, или же оставит Муром. Князь твердо помнил слова Господа: “Что Бог сочел, того человек да не разлучит. Кто отпустит жену свою и женится на другой, тот прелюбодей” (см.: Мф. 19: 6, 9). Потому, верный долгу христианского супруга, князь согласился отказаться от княжества. Он остался после того с небогатыми средствами к жизни, и печальные мысли невольно приходили ему на ум. Но умная княгиня говорила ему: “Не печалься, князь, – милостивый Бог не оставит нас в нищете”. В Муроме скоро открылись раздоры непримиримые, искатели власти схватились за мечи, и многие из вельможных потеряли жизнь. Бояре муромские принуждены были просить князя Давида и княгиню Евфросинию возвратиться в Муром. Так князь, верный долгу своему, восторжествовал и над врагами своими».

Почему святитель Филарет сильно сокращает повествование о бунте бояр? Думаю, не только потому, что видит в нем некоторые параллели с русскими сказками. Действительно, подробности этой истории описаны довольно фольклорно. Хотя рассказ о превращении крошек в ладан, по моему мнению, вполне приемлем для жития святых. Да, хитрость Февронии, благодаря которой она забирает князя с собой, имеет очень похожие аналоги в русских народных сказках: когда жену заставляют расстаться с мужем, она просит взять из дома самое дорогое и, конечно же, забирает любимого. Но, как мы знаем, Феврония – знаток фольклора, так что стоит ли удивляться, если она поступает «по-сказочному». К тому же сюжет «о самом дорогом» не только русский, а так сказать, общечеловеческий. Что для женщины должно быть самым дорогим? Конечно, любимый мужчина. Подобным образом поступили и жены немецкого города Вайнсберга: когда осаждавшие его разрешили им уйти и взять с собой столько, сколько те смогут унести на своих плечах, они, разумеется, взяли – вынесли – своих мужей.

Но не это смущает в рассказе о княжеском изгнании. Петр принимает решение не сам – он отсылает распоясавшихся вельмож к своей супруге: дескать, спросите у нее, что она об этом думает. Могло ли такое быть в XIII веке, да еще в семье князя? Нет, конечно. Для русского средневековья такая ситуация совершенно невероятна. Думаю, именно по этой причине, а не из-за его фольклорности этот эпизод не включили в житие и святитель Димитрий Ростовский, и святитель Филарет (Гумилевский). Можно предположить, что такой не очень правдоподобный вариант рассказа об изгнании благоверных князей попал в «Повесть...» потому, что писалась она по устным народным преданиям о святой чете: главным автором ее был простой русский народ. Поэтому и крестьянка Феврония предстает как самый главный ее персонаж. И князь, преклоняясь перед ее мудростью, советуется с ней во всем.

Филаретовский вариант беседы князя с боярами мне нравится куда больше, чем тот же диалог в «Повести...». Петр твердо помнит слова Евангелия о нерасторжимости брака и, верный христианскому супружескому долгу, предпочитает отказаться от княжества. А ведь древнерусские князья нередко забывали о своем семейном долге. Иван Васильевич Грозный, при котором и были канонизированы благоверные Петр и Феврония, двух своих жен заточил в монастырь. Его отец, Василий III, постриг в монахини свою законную супругу Соломонию Сабурову за ее бесплодие и женился на Елене Глинской. Не нужно также забывать, что в XIII веке родные братья убивали друг друга, чтобы присоединить к своим землям еще один надел. Так что отказаться от княжения ради сохранения семьи и любви к жене – это величайший подвиг для правителя того времени. А еще говорят, что в житии Петра и Февронии нигде не

говорится об их любви. Вот она, настоящая любовь! И за этот подвиг любви Господь возвращает Петру княжество.

Святитель Филарет, как бы в подтверждение истории изгнания Петра, приводит еще один пример его смирения. Он, опираясь на летописи, рассказывает, что благоверный муромский князь помогает восстановить справедливость великому князю Всеволоду и участвует с ним в борьбе против пронских и рязанских князей. В награду за это Петр получил от Всеволода богатое Пронское княжество. Когда же бывшие пронские князья пошли на него войной, кроткий Петр «послал сказать им: “Братья! Я не сам собою занял Пронск: меня посадил тут Всеволод. Пронск ваш”. И спокойно возвратился в Муром. Какое высокое бескорыстие! Какое глубокое уважение к долгу любви и чести!» – восклицает святитель Филарет. Такое бескорыстие было, действительно, большой редкостью во времена княжеских междоусобиц. А ведь Петр вовсе не был каким-то пацифистом. Согласно летописям, он был храбрым воином, принимал участие в нескольких военных операциях. А в 1220 году его войска были в славном походе против волжских булгар.

Филарет включает в составленное им жизнеописание святых князей и случай с женщиной, который, забыв о своей супруге, засмотрелся на красоту Февронии. Этот эпизод приведен полностью, вместе с ответами мудрой княгини, но почему-то святитель относит его не ко времени изгнания князей, а уже к их мирному правлению, последовавшему после возвращения.

Интересно, что, когда бываешь в Муроме, не можешь отделаться от ощущения реальности всего, что описано в «Повести...». Этот небольшой город просто дышит древностью, «там русский дух, там Русью пахнет». Конечно, зданий времен Петра и Февронии не сохранилось, но все равно в их родном городе совершенно ощутимо прикасаешься к их жизни. И когда молишься у мощей благоверной четы, и когда просто бродишь по муромским улочкам, и когда стоишь на набережной Оки и глядишь на храм святых Космы и Дамиана, воздвигнутый Иваном Грозным... И кажется, что вот сейчас скользнут по реке ладьи, уносящие князя и княгиню на другой берег, прочь от мятежных бояр.

Святитель Филарет, повествуя о благочестивой жизни и мудром христианском правлении святых после возвращения в Муром, пишет, что оно «было правдолюбивое, но без суровой строгости, милостивое, но без слабости. Умная и благочестивая княгиня помогала супругу советами и делами благотворительности. Оба жили по заповедям Господа, всех любили и не любили ни гордости, ни неправедной корысти; покоили странников, облегчали участь несчастных, чтити иноческий и священнический чин, ограждая его от нужд».

Дети «бездетной четы»

Еще одним камнем преткновения, и, кстати, не только для светских критиков, но и для некоторых православных, является отсутствие в «Повести о Петре и Февронии» упоминания об их детях. Приходится встречать даже в работах современных богословов мысль о том, что святые Петр и Феврония якобы специально отказались от телесного супружеского общения ради сугубого подвига воздержания и целомудрия. А враждебно настроенные критики используют отсутствие в житии информации о детях четы как контраргумент в полемике с православными: дескать, какие же это покровители семьи, если они сознательно отказались от деторождения?

Начнем с того, что для средневекового русского властителя бездетность являлась большой трагедией. Выше я упоминал о том, что некоторые правители ради рождения наследника даже шли против совести и канонов Церкви. Особенно тяжелой проблемой была бездетность для

князя времен феодальной раздробленности. Каждый князь хотел, чтобы его сыновья и внуки и дальше управляли его наделом. В противном случае после смерти князя княжество могло перейти к его родственникам, которые подчас являлись его врагами. Никто из князей, хотя бы из чувства ответственности перед народом и вверенными ему землями, не стал бы сознательно отказываться от продолжения рода – даже ради подвигов целомудрия. Очень маловероятно, что на это пошел бы и святой Петр Муромский.

Заметим: факт наличия детей у благочестивой муромской четы, который почему-то отрицают даже некоторые церковные писатели, является совершенно неопровержимым с исторической точки зрения.

В первой части статьи я уже говорил об исторической идентификации святых Петра и Февронии, и историчность этих муромских князей подтверждается большим количеством весьма авторитетных источников.

О детях благоверных князей Муромских свидетельствуют и «Родословная муромских князей», и «Родословная Владимирско-Суздальских князей», и «Лаврентьевская летопись», и жития благоверного князя Святослава Владимирского и его сына благоверного князя Димитрия... Кстати, святой князь Святослав был зятем Петра и Февронии, а благоверный князь Димитрий – их внуком.

У Петра и Февронии детей было трое: старший сын Юрий, унаследовавший после смерти отца его престол, Святослав и дочь Евдокия

У Петра и Февронии детей было трое: старший сын Юрий, унаследовавший после смерти отца его престол, Святослав и дочь Евдокия. Также известны имена их внуков: Ярослав – сын Юрия; Иоанн и Василий – дети Святослава – и сын Евдокии Димитрий.

Князь Юрий принял Муромское княжество в 1228 году, был смелым воином, сражался против мордвы, согласно Новгородской летописи, бился с Батыем. В 1230 году он погиб, сражаясь с монголами.

Святослав в 1220 году вместе с отцом участвовал в походе против волжских булгар. Лаврентьевская летопись говорит, что он умер в 1228 году, на пасхальной неделе, за несколько дней до праведной кончины своих родителей.

Дочь Петра и Февронии Евдокия вышла замуж за сына Всеволода Большое гнездо – князя Святослава. Кстати, летопись говорит, что ее отец, князь Муромский, был на этой свадьбе. У Евдокии родился сын Димитрий, который после смерти отца стал князем Юрьев-Польским. Мне удалось побывать в этом чудесном маленьком городе, ныне немного запущенном, но по-прежнему прекрасном, с древними монастырями, храмами и другими памятниками старины. И там хранят память о юрьевском князе Димитрии – внуке Петра и Февронии.

И зять Петра и Февронии Святослав, и внук Димитрий были прославлены Церковью как святые благоверные князья.

Почему же «Повесть о Петре и Февронии» не дает нам сведений о детях святых князей, несмотря на то, что их имена были очень хорошо известны во времена ее написания? Думаю, такой пробел объясняется довольно просто. Жития святых, как правило, сообщают о детях подвижников тогда, когда они каким-то образом принимали участие в их подвиге или же сами являлись святыми. В житии Петра и Февронии, составленном святителем Димитрием

Ростовским, не упоминается об их детях скорее всего также по этой же причине. А святитель Филарет пишет только об одном сыне муромской четы – Святославе; можно предположить, что он интересен составителю жития потому, что умер на одной пасхальной седмице со своими родителями.

День кончины или именины?

Как нам известно из «Повести о Петре и Февронии», из всех их житий, а также из летописных источников, благоверные князья отошли ко Господу в один день. Святитель Филарет, опираясь на исторические документы, говорит, что почили они в апреле, на пасхальной седмице 1228 года и, согласно их завещанию, были погребены в одном гробе. Он не упоминает о том, что неразумные люди хотели нарушить завещание святых и положить их в отдельных гробах, а они каждый раз вновь оказывались вместе. Но это совершенно не означает, что данный эпизод является вымышленным: в житиях святых мы находим описание гораздо более великих и непостижимых чудес. Житие, составленное святителем Филаретом, довольно кратко; его задачей было подвергнуть «Повесть...» Ермолая-Еразма критическому историческому анализу и по возможности отобрать проверенные и максимально достоверные факты.

Почему же мы празднуем день преставления благоверных Муромских князей не весной, в апреле, а 25 июня по старому стилю (соответственно, 8 июля по-новому)? Святитель пишет: «Если по летописи скончались в апреле, то 25-й день июня надобно признать за день открытия мощей». То есть он полагает, что день празднования кончины святой четы (чтобы не делать его из-за пасхальной недели днем переходящим) просто приурочили к дню обретения мощей. Но это только предположение. Ни во времена святителя Филарета, ни тем более в наши дни не было выяснено, в какой точно день открыли мощи.

По поводу памяти святых Петра и Февронии именно 25 июня (8 июля) у меня есть своя версия. Очень часто, когда точный день памяти святого нам неизвестен, празднование его кончины устанавливают в день именин. В церковном календаре мы можем найти множество святых с одинаковыми именами, но живших в совершенно разное время, память которых приходится на один и тот же день. 25 июня – это день преподобномученицы Февронии девы, святой IV века. Она небесная покровительница благоверной Февронии Муромской – другой Февронии в месяцеслове нет. А вот святых с именем Петр достаточно много. Поэтому, не зная точного дня смерти муромских чудотворцев, установили день их памяти праздновать 25 июня.

Дни церковных праздников – это далеко не всегда точная дата какого-то исторического события. Мы знаем, что даже дата Рождества Христова условна, а [Пасха](#) вообще переходящий праздник.

Существует абсолютно ложное мнение, что день почитания святых Петра и Февронии как небесных покровителей семьи и супружества – это совершенно новое, современное веяние. Дескать, захотели придумать русский аналог дню святого Валентина, вот и установили в 2008 году День семьи, любви и верности. Да, в наше время день святых Петра и Февронии приобрел особое значение. Строятся новые храмы этим святым, устанавливаются памятники, все больше людей празднуют их память, а главное – начинают молиться им. Но Петр и Феврония почитаются как покровители семьи уже давно. В XIX веке святитель Филарет писал, что святые князья «в жизни своей были образцом христианского супружества, готовые на все лишения для евангельской заповеди о нерушимом союзе. И ныне они молитвами своими низводят небесное благословение на вступающих в брак. Так показывают многие опыты загробной жизни их». И к святым Петру и Февронии обращались за помощью в семейной жизни еще задолго до века XIX-го.

Еще немного о легендах и мифах

Некоторые исследователи, в основном филологи и культурологи, любят сравнивать «Повесть о Петре и Февронии» с кельтскими и другими западноевропейскими легендами, особенно с романом о Тристане и Изольде. И действительно, при желании можно найти в древнерусской «Повести...» нечто сходное с этим рыцарским сказанием. Что это? Действительно ли «Повесть» Ермолая-Еразма вобрала в себя европейские легенды, каким-то образом проникшие на Русь, или это просто случайное совпадение?

Начнем с того, что священник Ермолай собирал материалы для написания жития святых благоверных князей в муромских и рязанских областях, то есть в среднерусской полосе. Это сказания даже не Киевской, а Владимирской Руси. Очень сложно предположить, что во времена, когда проникновение иностранцев в центральную часть России было минимальным, во владимирские края были завезены какие-то западные легенды.

Существует немало работ, где приводится сравнительный анализ «Повести...» и романа о Тристане и Изольде. Я прочел довольно много статей на эту тему, но ни в одной из них не нашел объяснения этим совпадениям. Академик Д.С. Лихачев в работе «Повесть о Петре и Февронии Муромских» нисколько не настаивает на каком-то заимствовании западных легенд. Он восхищается «Повестью...», ее удивительным поэтическим языком, образами и пишет о том, что «есть что-то общее... с западноевропейским средневековым повествованием о Тристане и Изольде». Но так ли похожи два этих сказания?

Я еще раз перечитал роман о Тристане и Изольде в изложении Жозефа Бедье. Скажу честно: если не ставить задачи найти в нем параллели с еразмовой «Повестью...», можно вообще не заметить какой-то общности двух этих произведений. Во всем романе мне видятся только два эпизода, сходных с теми, что есть и в жизнеописании муромских князей. Тристан тоже побеждает дракона и заболевает от его яда, положив драконий язык к себе в карман. Его находят без сознания, приносят в дом Изольды, но лечит его не она, а ее мать, королева: именно она готовит снадобье, а Изольда лишь помогает ей. И второй сходный момент – это смерть Тристана и Изольды: они также умирают в один день. При этом роман Бедье – довольно объемное произведение, в несколько раз больше «Повести...». Тристан совершает разные подвиги (убийство дракона не самый главный из них), с ним и Изольдой происходит масса событий, совершенно непохожих на события жизни Петра и Февронии. Сюжет легенды очень хитро сплетен, да и Изольда вообще не одна – в романе целых две Изольды. И самое главное: «Повесть о Петре и Февронии» – это гимн супружеской любви и верности. Свою любовь супруги пронесут через всю земную жизнь, а потом имеют ее продолжение в вечности. А рыцарский роман о Тристане и Изольде – совсем наоборот: это повесть о супружеской измене, о блудной страсти. О двух любовниках, которые не могут быть вместе и соединяются, умирая в один день. Кстати, существуют версии романа, из которых убрана эта печальная концовка.

Не будем подробно останавливаться на драконе. Сказания о змеях и змееборцах есть у многих и многих народов. С драконами боролись не только на Руси и в Западной Европе, но и в Иране, Вавилоне, Греции, не говоря уже о Китае, Японии и Индии. С кем только не сравнивали, к примеру, святого Георгия, победившего змея! Откуда берутся сказания о драконах, мы уже говорили в первой части статьи. Змей, дракон – любимая личина дьявола в древности, потому у многих народов дракон – воплощение зла (хотя и не везде; в некоторых странах драконов обожествляли, но, тем не менее, сражались с ними). Существует и теория о том, что драконы – это сохранившиеся древние ящеры.

Гораздо важнее объяснить схожесть кончины персонажей кельтской легенды и русских святых. Но прежде всего не будем забывать, что, в отличие от вымышленных героев романа,

Петр и Феврония – реальные люди, и их кончина в один день не вымысел, а исторический факт. Далее: в романе Бедье Тристана и Изольду кладут справа и слева от часовни, а потом вырастает терновник, который соединяет две их могилы. И если здесь это лишь красивый поэтический образ, то совместное погребение Петра и Февронии – это, опять-таки, реальность: они действительно были похоронены вместе. По приказу Ивана Грозного над могилой святых была построена церковь Рождества Богородицы. Они лежали вместе под южной стороной церкви. Позже их мощи открыли и перенесли в сам храм. Сейчас они почивают в женском Троицком монастыре, куда были перенесены уже в наше время.

Что же касается мотива смерти горячо любящих друг друга людей в один день, то он не европейский и не русский, а всечеловеческий. К.Г. Юнг называл это «коллективным бессознательным». Есть «коллективное бессознательное», присущее отдельному этносу, а есть общечеловеческое бессознательное. Все человечество создано Богом как единый человеческий род, и при всех этнических и культурных различиях у всех народов очень много общего. Поэтому неудивительно, что в похожих ситуациях мы одинаково мыслим и в нашем сознании всплывают очень близкие образы. В подтверждение того, что мотив о смерти в один день общий для совершенно разных народов, можно привести поэму тюркского автора XV века Алишера Навои о двух влюбленных «Лейли и Меджнун». Вот строки из нее, рассказывающие об их смерти: «Возлюбленная руки подняла, / возлюбленному душу отдала. / Возлюбленный склонился не дыша, / к возлюбленной ушла его душа».

Мы знаем, что Петр и Феврония имели горячее желание уйти вместе и просили Бога, «чтобы в одно время умереть им». И Господь исполнил прошение двух любящих сердец.

Еще немножко об удивительных совпадениях, общечеловеческих образах и коллективном бессознательном. Есть работы по исследованию происхождения мифов, в которых можно найти очень интересные сравнения. Вот европейская легенда о короле Артуре: в Лондоне, в центре города, была часовня; возле нее лежал камень с торчащим из него мечом; меч, который никто не мог извлечь, вынул юноша Артур; спустя какое-то время рука Владычицы озера, появившись над водами, даст ему меч Экскалибур. А теперь вьетнамская легенда: дворянину Ле Лою духи повелели возглавить восстание против китайских захватчиков; из озера, возле которого он жил, выплыла гигантская черепаха с мечом во рту. Герой берет этот меч, с помощью чудесного оружия прогоняет китайцев и становится королем. Похоже? Это будет покруче, чем Тристан и Изольда.

Подведем некоторые итоги. «Повесть о Петре и Февронии Муромских» – прекрасное и весьма поучительное произведение древнерусской словесности. За века «Повесть...» прочно вошла в церковный обиход и пользуется большой популярностью и авторитетом у православного народа. Да, она не вошла в макарьевские Четьи-Минеи, но была включена в другие сборники житий, такие как Годуновские и Милютинские Минеи.

Мы не находим в ней каких-то явных нелепостей и искажений церковного учения. Можно сказать, что единственной фактической ошибкой «Повести...» является путаница с княжескими именами.

Церковь – это живой организм, она сама отторгает все вредное и принимает то, что приносит пользу.

Составляя жизнеописания святых, никто и никогда не стремился к абсолютной, документальной точности. Важно было другое: духовная достоверность жития. В «Повести...»

отца Еразма много литературности, но ведь и знаменитые «Жития святых» святителя Димитрия Ростовского тоже весьма литературны. Лирические отступления, подробности, диалоги, молитвы, которые он влагает в уста святых, имеют явно художественный характер. Кроме исторических данных в его житиях обширно используются и народные сказания о подвижниках.

На димитриевских Четвях-Минях воспитаны многие поколения наших православных предков. Люди веками читали житийную литературу и получали духовную пользу. «Повесть о Петре и Февронии» тоже приносит многим назидание, духовное утешение и служит учебником супружеской любви и верности.

Протоиерей Павел Гумеров

15-24 марта 2017 г.